

ON INTRODUCING FREE INDIRECT SPEECH IN RUSSIAN TRANSLATION DESPITE THE ABSENCE OF CORRESPONDING STRUCTURES IN THE ENGLISH ORIGINAL

Anastasia D. Alimova

Moscow State Linguistic University,
Ostozhenka 38-1, Moscow, 119034, Russia

Abstract. *The article analyzes the most typical cases of introducing free indirect speech in the Russian translation where there are no corresponding structures in the English original. Typical non-free-indirect-speech structures and contexts in the source text are explored, such as may materialize as free indirect speech in the target text. The study employs qualitative methods including lexical-semantic, contextual and comparative analysis of the source text and the target text. As for the structure, this paper has been divided into two parts. First, a theoretical background for the problem is established, involving the theories by Ia. I. Retsker and D. V. Psurtsev. The paper then goes on to examine translators' choices to generate new interference of the narrator's text and the character's text. The cases when free indirect speech may arise in the Russian translation are typically based on kindred forms of the character's speech representation in the English original, long descriptions of a situation where the character acts, complex sentences with content clauses, containing the character's thoughts and emotions. The analysis suggests that the decision to introduce free indirect speech patterns into translation can be based on the typological differences between the languages in question, or on logical and stylistic "inclinations" of a given fragment. Therefore, the decisions to introduce free indirect speech fall into two groups, obligatory and possible respectively. If such choices by Russian translators constitute a tendency, a certain correlation of syntactic patterns and contexts may be established. The results obtained in the study may be used by translators of literary texts.*

Keywords: *free indirect speech, free indirect discourse, translation, translation studies, linguistics, textual interference, correlation of patterns, literary text*

For citation: Alimova, A.D. (2021). On Introducing Free Indirect Speech in Russian Translation Despite the Absence of Corresponding Structures in the English Original. *Linguistics & Polyglot Studies*, 7(5), pp. 57–65. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-57-65>

О СЛУЧАЯХ ВВЕДЕНИЯ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ В ТЕКСТ РУССКОГО ПЕРЕВОДА ПРИ ОТСУТСТВИИ СООТВЕТСТВУЮЩИХ СТРУКТУР В АНГЛИЙСКОМ ОРИГИНАЛЕ

А.Д. Алимова

Московский государственный лингвистический университет,
119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Аннотация. В статье рассматриваются основные случаи введения несобственно-прямой речи (НПР) в текст перевода, несмотря на отсутствие соответствующих структур в английском оригинале. Цель исследования заключалась в том, чтобы в результате рассмотрения текстов оригинала и перевода выявить типичные грамматические конструкции и надфразовые синтаксические структуры в английском языке, которые обычно передаются на русский язык с помощью НПР. Основными методами исследования стали лексико-семантический, контекстуальный и сопоставительный анализ текста оригинала и текста перевода. Рассмотрению полученных результатов предшествует теоретическое обоснование возможности проведения переводоведческого исследования НПР, в частности в качестве основных теоретических трудов, позволяющих говорить о закономерных соответствиях НПР при переводе, приводятся работы Я. И. Рецкера и Д. В. Псурицева. Далее в статье представлен анализ конкретных решений переводчиков, в том числе их подход к созданию текстовой интерференции (взаимодействие текста автора и текста персонажа), которая лежит в основе построения данного художественного приёма. Было установлено, что посредством НПР могут передаваться английские сложноподчинённые предложения с придаточными изъяснительными, содержащие указание на мысли или чувства персонажа, а также другие формы чужой речи; кроме того, художественный приём могут вводить в развёрнутые описания, в том числе событий, участником которых является персонаж. Таким образом, введение НПР в текст перевода при отсутствии её в оригинале может объясняться либо различиями в грамматическом строе русского и английского языков, либо особой стилистической организацией и логикой построения фрагмента текста. В первом случае решение ввести в текст перевода НПР будет носить скорее обязательный характер, во втором – представлять собой одно из факультативных решений. Представляется, что, если переводческие решения имеют систематический характер, можно говорить о закономерных соответствиях. Результаты исследования могут использоваться практикующими переводчиками художественной литературы.

Ключевые слова: несобственно-прямая речь, перевод, переводоведение, лингвистика, текстовая интерференция, закономерные соответствия в синтаксисе, художественная литература

Для цитирования: Алимова А.Д. (2021). О случаях введения несобственно-прямой речи в текст русского перевода при отсутствии соответствующих структур в английском оригинале. *Филологические науки в МГИМО*. 7(5), С. 57–65. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-57-65>

Введение

Несобственно-прямая речь (НПР) – художественный приём, окончательно сформировавшийся к началу XX века и ставший одним из неотъемлемых компонентов современных произведений. Широкую распространённость НПР можно объяснить множеством выполняемых ею функций, позволяющих использовать её в текстах различных литературных направлений и жанров, в частности способностью НПР передавать речь, мысли, чувства и особенности восприятия персонажа без прямого указания на то, что они принадлежат конкретному герою, возможностью с помощью НПР создавать особое взаимодействие текста автора и персонажа, которому немецкий филолог В. Шмид дал название «текстовая интерференция» [10, с. 200, 209].

Поскольку НПР играет важную роль в построении художественных произведений, возникает необходимость в выявлении способов передачи НПР при переводе, в том числе с английского языка на русский. Однако передача данного художественного приёма при переводе сопряжена с рядом трудностей, связанных как с расхождениями в структурном оформлении и частотности НПР в русском и английском языках (представляющих собой языки разных типов) в рамках различных литературных традиций, так и с необходимостью принимать во внимание особенности функционирования НПР в конкретном произведении конкретного автора с учётом его индивидуального стиля.

При этом, на наш взгляд, небезынтересными представляются случаи введения переводчиком НПР в текст перевода, несмотря на отсутствие соответствующих структур в тексте оригинала, особенности при переводе с английского языка на русский, учитывая, что в среднем частотность НПР в произведениях, написанных на английском языке, выше, чем в русской литературе. Так, ранее нами было установлено, что в американской литературе НПР в среднем встречается в 1,2 раза чаще, чем в русской оригинальной литературе [1, с. 56]. Теперь на основании новых данных анализа мы утверждаем, что в переводе на русский язык число отрывков текста, содержащих НПР, превышает количество соответствующих структур английского оригинала в среднем в 1,1 раза.

В рамках данной статьи будут рассмотрены и систематизированы случаи введения структур НПР в текст перевода произведений американской литературы¹ XX века на русский язык, а также предложено возможное объяснение причин подобных переводческих решений.

Теоретические предпосылки возможности систематизации случаев введения НПР в текст перевода

Выявление закономерностей передачи НПР при переводе, в частности при систематизации случаев введения НПР в текст перевода, несмотря на отсутствие соответствующих структур в тексте оригинала, возможно по ряду причин. Одной из них являются различия в строе исходного и переводящего языков (ИЯ и ПЯ). Морфологически русский и английский – языки разного строя: если первый – скорее синтетический, то последний можно отнести к классическим аналитическим языкам [7, с. 168]. Эти различия находят отражение и в способах построения НПР. Так, вследствие выражения грамматического значения отдельно от лексического в английском языке будет более фиксированный порядок слов, чем в русском. В результате изменение порядка слов, характерное для речи персонажа и производимое в целях создания текстовой интерференции, в английском языке будет обладать большим экспрессивным потенциалом и, соответственно, являться более ярким маркером НПР, чем в русском языке.

Такие общеязыковые различия можно свести к системе соответствий в рамках предложенной Я. И. Рецкером теории закономерных соответствий. Как пишет Я. И. Рецкер, данная теория предполагает существование общих закономерностей передачи структурно-семантических «узлов»

¹ В дальнейшем планируется подобным образом проанализировать произведения английской литературы.

сопоставляемых языков на основе функционального соответствия [8, с. 10–11]. В результате, по мнению переводоведа, устанавливаются параметры, в рамках которых переводчик выбирает вариант перевода [8, с. 11]. Возможность распространения теории закономерных соответствий на область синтаксиса обосновывается в статье Д. В. Псурцева [6, с. 48], который утверждает, что «за внешним несходством синтаксических структур может просматриваться глубинное структурно-грамматическое сходство». Следовательно, если «преобладающее число» переводчиков для передачи синтаксических структур ИЯ выбирает определённые структуры в ПЯ, характерные для этого языка в целом, то можно говорить о закономерном соответствии на синтаксическом уровне.

Таким образом, исходя из того, что НПП можно рассматривать как явление «стилистического синтаксиса» [3, с. 18], мы предполагаем, что в английских текстах можно обнаружить ряд грамматических и надфразовых синтаксических структур, которые при переводе с высокой долей вероятности будут переданы посредством НПП. Далее мы рассмотрим наиболее частотные случаи подобных преобразований.

Основные случаи введения НПП в текст перевода

При переводе с английского языка на русский преобразованием в НПП нередко подвергаются сложноподчинённые предложения с придаточным изъяснительным. К первой группе таких предложений можно отнести случаи, когда сказуемое главной части представлено такими глаголами, обозначающими чувственно-ментальные процессы, как *wonder*, *wish*, *hope* и т. п. Эти глаголы представляют собой прямое препозиционное указание на вопрос, размышления или желание персонажа, и в тексте перевода они довольно часто опускаются или переносятся в постпозицию, что позволяет переводчикам вынести суть вопроса или желания в качестве НПП в препозицию, тем самым сделав мысли персонажа более живыми.

And while he talked, the girl looked at him with startled eyes. His fire warmed her. She wondered if she had been cold all her days. (J. London "Martin Eden")	Он рассказывал, а Руфь не сводила с него изумлённых глаз. Его жар разогревал её. Неужели до сих пор она всегда жила в холоде, думалось ей. (пер. Р. Облонской)
--	--

В приведённом выше переводе подобная конструкция передана с помощью НПП в виде вопроса с «неужели» и вводящей конструкцией в постпозиции. Благодаря такому её расположению и возвратной форме глагола «думать», усиливается текстовая интерференция, ведь в первую очередь читатель воспринимает вопрос и только потом видит указание на персонажа, которому принадлежат эти мысли, причём коммуникативный ранг обозначения персонажа, по сравнению с оригиналом, становится ниже, что также переносит акцент на предшествующий вопрос.

Кроме того, трансформации в НПП подвергаются сложноподчинённые предложения, главная часть которых содержит указание на чувства и эмоции персонажа, например, в конструкциях, вводимых с помощью формального подлежащего *it* и глагола *to be*, а также других конструкциях, содержащих инфинитивные обороты. Придаточное предложение представляет собой пояснение существительного, прилагательного, причастия или глагола в главной части: что именно вызвало у персонажа те или иные чувства. В переводе такие конструкции передаются с помощью НПП, нередко с использованием безличных предложений. Причём, если подлежащее выражено существительным или местоимением, указывающим на персонажа, придаточное предложение, по аналогии с предыдущим типом, трансформируется в непосредственно НПП, а главное – становится вводящей конструкцией или опускается.

"I don't get on," Mr. Croy almost gaily replied. His daughter took in the place again, and it might well have seemed odd that in so little to meet the eye there should be so much to show. (H. James "The Wings of the Dove")	– А я и не собираюсь, – почти весело ответил мистер Крой. Все возвращалось на круги своя, даже странно, как мало требуется, чтобы продемонстрировать суть дела. (пер. О. Чумичевой)
--	---

В этом примере авторская оценка *it might well have seemed odd* преобразована в оценку персонажем, мистером Кроем, происходящих событий. Такой переход достигнут в результате использования в переводе безличного предложения, что стало возможно благодаря грамматическому строю русского языка, а также смене временного плана (в переводе использовано настоящее время).

Следует отметить, что в случаях преобразования сложноподчинённых предложений в НПР передача мыслей и чувств персонажа становится более имплицитной. Соотнесение высказывания с речью персонажа будет строиться преимущественно на пресуппозиционных знаниях, которые можно получить из контекста. Как отмечает М. Аbruшан, смещение точки зрения может встраиваться в текст автора по-разному: употребление экспрессивных элементов в НПР позволяет осуществить прямой переход к передаче внутреннего мира героя, в то время как в случае их отсутствия главную роль в распознавании переключения точки зрения будут играть пресуппозиционные знания [11, р. 862]. Вследствие этого НПР второго типа будет обладать более высокой степенью текстовой интерференции. Переводчики же отдают предпочтение тому или иному способу включения НПР в текст перевода в зависимости от степени экспрессивности отрывка в тексте оригинала. При этом, как пишет Э. Майер, в рамках текстовой интерференции именно пресуппозиционные знания, полученные из предшествующего повествования, позволяют соотносить употребление форм третьего лица и согласование времён с маркерами текста автора, а употребление элементов ближнего дейксиса и экспрессивно-оценочных средств – с маркерами текста персонажа [13, р. 354–355], что также используется при построении НПР в тексте перевода.

Кроме того, переводчики нередко преобразуют в НПР отрывки текста, содержащие описание персонажей и событий, тем самым перенося описание в область восприятия героя.

He was able to picture her as she had once been when he glanced at his nephew. He resembled her strongly. Only his slightly outcurving nose belonged to the Leventhals. (S. Bellow "The Victim")	Он легко представлял себе её прежнюю, поглядывая на племянника. Весь в неё. Только нос с лёгкой горбинкой – это от Левенталей. (пер. Е. Суриц)
--	--

В данном примере трансформация текста автора в НПР начинается с предложения *He resembled her strongly*. В переводе Е. Суриц текстовая интерференция достигается благодаря использованию неполных предложений, характерных для непроизнесённой речи – мыслей персонажа. В целом же в отрывок переводчиком добавлена более сильная, по сравнению с оригиналом, оценочность. Кроме того, констатация наследственного характера носа с горбинкой преобразована в вывод-причину: почему персонаж выглядит именно так. Следует отметить, что, по мнению И. С. Жилиной, указание на причины явлений в целом свойственно НПР в русской литературе [2, с. 101–103].

Такая НПР, передающая вывод персонажа относительно увиденного и услышанного, нередко вводится после глаголов восприятия и в ПЯ представлена частью бессоюзного предложения или отдельным простым предложением.

She opened the oven and looked at the pan of bread, then stooping she paused while someone descended the stairs. (W. Faulkner "The Sound and the Fury")	Она открыла духовку и, нагнувшись к противню с булочками, насторожилась – по лестнице спускался кто-то. (пер. О. Сороки)
---	--

Здесь сложноподчинённое предложение с придаточным времени в переводе преобразовано в бессоюзное предложение, вторая часть которого содержит одновременно и причину, по которой Дилси насторожилась, и вывод, который она сделала, услышав звук шагов по лестнице. Такое решение переводчика можно, в частности, объяснить тем, что, согласно предложенной М. Д. Литвиновой теории языковых спектров, в русском языке придаточные времени в целом менее частотны, чем соответствующие структуры в английском языке [4, с. 14]. Поэтому, отходя от подобных конструкций текста оригинала, переводчик, вероятно, отдал предпочтение гораздо более естественному для русского языка и устной речи в целом паратаксису, при котором имплицитная связь двух частей привела к введению в текст структур НПР.

Добавление в текст автора оценки и преобразование его в НПР возможно также с помощью введения в текст перевода слов, выражающих эпистемическую модальность – одного из грамматических маркеров НПР [12, р. 360–361]. Слова, выражающие модальность, актуализируют речевую пресуппозицию, определяющуюся коммуникативным заданием говорящего: персонаж, которому принадлежит высказывание, передаёт собственную точку зрения на какой-либо факт действительности, поэтому нельзя с точностью сказать, является утверждение истинным или ложным [5, с. 24–26]. В результате начинает проявляться противопоставление субъективности персонажа объективности «всезнающего» автора.

<p>She paused there a moment, looking absently at a growth of nasturtiums and iris tangled at its foot, as though sprung from a careless handful of seeds, listening to the plaints and accusations of some nursery squabble in the house. (F. Scott Fitzgerald "Tender Is the Night")</p>	<p>Николь на мгновение остановилась и, рассеянно глядя на ирисы и настурции, разросшиеся у подножья сосны в полном беспорядке, точно кто-то наудачу бросил тут горсть семян, прислушалась к шуму, который вдруг донёсся из дома, – детский плач и сердитые голоса; должно быть, какая-то баталия в детской. (пер. Е. Калашниковой)</p>
--	--

В приведённом выше примере оценочность в тексте перевода представлена вводным словом «должно быть», благодаря которому читатель понимает, что предложение содержит особенности восприятия Николь, оформленные посредством структур НПР: они передают мысли героини, которые сначала представляют собой вывод о том, что за шум она слышит, а затем последующее умозаключение относительно того, откуда вообще мог доноситься такой шум и почему. При этом в тексте перевода оригинальное предложение с основанным на управлении словосочетанием *listening to the plaints and accusations* подверглось разделению на две части: в первой даётся гипероним «шум», который во второй конкретизируется – «плач и сердитые голоса» – структурами НПР. Второе же словосочетание с управлением, вводимое посредством предлога *of*, становится отдельной частью бессоюзного предложения, представляющей собой развитие мыслей героини посредством НПР с помощью вводного слова «должно быть».

Помимо случаев создания текстовой интерференции и, соответственно, введения в текст перевода НПР посредством добавления слов, выражающих эпистемическую модальность, переводчики нередко приносят оценочность на лексическом и синтаксическом уровне, добавляя в текст автора соответствующие маркеры НПР. По нашим наблюдениям, происходит это в основном в длинных описательных или повествовательных фрагментах авторского текста.

<p>She had committed herself to helping another neighbor's child, Roxie Lee Smith, with a trumpet solo that Roxie Lee planned to play at a school concert; had promised to run three complicated errands for her mother; and had arranged to attend a 4-H meeting in Garden City with her father. And then there was lunch to make and, after lunch, work to be done on the bridesmaids' dresses for Beverly's wedding, which she had designed and was sewing herself. As matters stood, there was no room for Jolene's cherry-pie lesson. Unless something could be canceled. (T. Capote "In Cold Blood")</p>	<p>Она обещала помочь дочери других соседей – Рокси Ли Смит – отрепетировать соло на трубе, которое Рокси хотела исполнить на школьном концерте, а потом ей предстояло выполнить три важных поручения своей матери, затем съездить с отцом на собрание клуба «4С» в Гарден-Сити, приготовить обед, а после обеда заняться платьем к свадьбе Беверли, которое Нэнси сама придумала и шила тоже сама. Как ни верти, свободного местечка для выпечки вишнёвого пирога не выкроишь; разве что отменить какой-то другой пункт. (пер. М. Гальпериной)</p>
--	---

В приведённом выше примере НПР в тексте перевода начинается с употребления разговорного оборота «как ни верти» вместо более нейтрального английского *as matters stood*. Кроме того, переводчик использует обобщённо-личное предложение с глаголом «выкроишь», которое также более характерно для разговорной речи. В результате в тексте перевода прослеживается речевая характеристика Нэнси, которая разбавляет текст автора, благодаря чему он становится более «живым».

Отдельного внимания заслуживают случаи, когда переводчики вводят НПР в текст перевода вместо других способов передачи чужой речи в тексте оригинала.

Наиболее частотной трансформацией является преобразование в НПР косвенной речи. На наш взгляд, такое решение переводчиков можно объяснить тем, что в английском языке согласо-

вание временных форм и дейктических средств происходит не только в косвенной речи и является более естественным явлением в целом, в то время как в русском языке такое согласование менее частотно, чем в частности и объясняется существование форм свободной косвенной речи. При этом для русского языка свойственно опущение подчинительного союза «что». Соответственно, в ряде случаев переводчики под влиянием тенденций родного языка отдают предпочтение более свободным конструкциям, нежели косвенная речь, например НПР с невысокой степенью текстовой интерференции. В связи с этим следует отметить, что нарушение порядка слов и согласования времен в английской НПР в целом обладает большим экспрессивным потенциалом, чем в русском варианте НПР (поскольку оно затрагивает правила построения предложений в языке).

He rose shakily and glanced at his watch. It was hours before his usual time to rise. And so sat on the edge of his rented bed and asked himself what harm, after all a halfy on a box could do to an able-bodied grammar-school graduate like himself. (N. Algren "The Face on the Barroom Floor")	Фэнси с трудом встал и посмотрел на часы. До обычного утреннего подъёма было ещё далеко. Он снова сел на край кровати и спросил себя: ну что в конце концов может сделать безногий на тележке ему, здоровому взрослому парню? (пер. О. Кулагиной)
---	---

Здесь экспрессивный вопрос, представляющий собой НПР, предваряется контактной вводящей конструкцией с глаголом «спросил себя» и двоеточием. В переводе сохранена форма вопроса, который задал себе персонаж до того, как в изложении автора (в тексте оригинала) он приобрёл утвердительную форму. Кроме того, в качестве маркера свойственной речи персонажа разговорности выступает частица «ну».

Подобным образом происходит и трансформация в НПР сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным, в которых сказуемое главной части представлено глаголами, обозначающими ментальные процессы, например «знать», «понимать» и т. п., как в приведённом ниже отрывке, где следующий за вводящей конструкцией текст НПР характеризуется разговорностью благодаря повтору глагола через отрицательную частицу и экспрессивной инверсии во второй части.

The shops were small and the wares in their windows were dusty, as though the owners knew there really was no use. (I. Shaw "Rich Man, Poor Man")	Магазины здесь были маленькие, товары на витринах – серые от пыли, точно владельцы сами понимали: протирай их не протирай, всё равно никому они не нужны. (пер. И. Басавиной)
---	---

Кроме того, косвенная речь при переводе может при переводе быть передана структурами НПР, введёнными с помощью частиц «мол», «-де» и т. п., свойственных русскому языку, но не имеющих аналога в английском. Несмотря на расхождение мнений учёных относительно того, можно ли рассматривать вводимые подобными частицами предложения как НПР, мы разделяем мнение Б. А. Успенского [9, с. 53–54], что такие случаи вполне можно отнести к разновидности НПР (однако лишь в случае сохранения после частиц текстовой интерференции).

He waved his hand deprecatingly and muttered that it was nothing at all, what he had done, and that any fellow would have done it. (J. London "Martin Eden")	Он протестующе махнул рукой, пробормотал, мол, чего он такого особенного сделал, всяк на его месте поступил бы так же. (пер. Р. Облонской)
--	--

Так, в приведённом примере НПР в тексте перевода введена с помощью частицы «мол», при этом текстовая интерференция в отрывке присутствует и маркируется лексически просторечием «всяк», а также синтаксически экспрессивным вопросом «чего он такого особенного сделал», с помощью которого передано более нейтральное предложение *it was nothing at all*.

Трансформации в НПР может подвергаться и прямая речь. В таком случае переводчик, наоборот, выводит высказывание из плана речи персонажа и создаёт интерференцию с текстом автора, в результате чего становится менее очевидно, кому принадлежат эти слова. Однако следует отметить, что такие трансформации в переводе менее частотны, чем преобразования косвенной речи в НПР. При этом само существование подобных переходов в переводе подтверждается мнением

американского филолога Б. Макхейла о том, что между формами представления чужой речи и их функциями образуется связь «многие ко многим», а значит функции НПР, прямой и косвенной речи могут совпадать [14, р. 5]. Именно это и позволяет осуществлять преобразования прямой и косвенной речи в НПР.

Allbee was dodging through the crowd after him. "What does he want?" Leventhal irritably asked himself. (S. Bellow "The Victim")	– Эй, погодите! Олби к нему пробирався в толпе. Интересно, чего ему надо? (пер. Е. Суриц)
--	--

В приведённом отрывке прямая речь передана с помощью НПР, причём переводчик предпочёл отказаться от использования вводящих конструкций, в результате чего НПР отличается высокой степенью текстовой интерференции. Однако, на наш взгляд, в переводе мысли героя, начинающиеся со слова «интересно» выглядят гораздо более дружелюбно, чем в оригинале, где представлены прямым вопросом с указанием на эмоциональную составляющую – *irritably*.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что в английском языке существует ряд грамматических и надфразовых синтаксических структур, которые при переводе на русский язык с высокой долей вероятности будут переданы с помощью структур НПР.

К основным случаям введения в текст перевода НПР при отсутствии соответствующих структур в тексте оригинала можно отнести сложноподчинённые предложения с придаточными изъяснительными, в которых сказуемое главной части отражает либо ментальные процессы, либо эмоциональное состояние персонажа, косвенную и прямую речь, контексты, представляющие собой описание воспринимаемых персонажем событий и явлений, а также развёрнутые авторские описания. Переводческие решения относительно построения НПР варьируются от привнесения оценки на уровне смысла или с помощью слов, выражающих эпистемическую модальность, до выбора лексических и синтаксических единиц, характерных для речи персонажа.

В то время как передача выявленного нами набора грамматических конструкций посредством НПР будет обусловлена различиями в грамматическом строе ИЯ и ПЯ и осуществление трансформации будет носить скорее обязательный характер, решения вводить НПР в крупные фрагменты авторского текста и заменять данными структурами прямую речь, на наш взгляд, определяются стилистическими целями и задачами и представляют собой одно из факультативных решений – внедрение в текст автора речи персонажа, его мыслей и оценок.

© А.Д. Алимова, 2021

Список литературы

1. Алимова А. Д. Эволюция структур несобственно-прямой речи в английской, американской и русской литературе // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2021. Т. 163, кн. 1. С. 53–64. doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.53-64.
2. Жилина И. С. Структурно-семантические особенности несобственно-прямой речи и проблемы её перевода: на материале художественных текстов XX века английского, немецкого и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / И. С. Жилина. Москва, 2015. 151 с.
3. Ковтунова И. И. Несобственно-прямая речь в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. 1953. № 2. С. 18–27.
4. Литвинова М. Д. Методика преподавания художественного перевода филологических вузах. Критерий оценки переводов // Мосты. № 3 (63). М.: Р. Валент, 2019. С. 13–15.
5. Нагорный И. А. Пресуппозитивный слой смысла в высказываниях с модально-персуазивными частицами // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 20 (191), вып. 23. С. 20–27.
6. Псурцев Д. В. Частотно-типологическая модель перевода // Мосты. №2 (62). М.: Р.Валент, 2019. С. 46–60.
7. Реформатский А. А. Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

8. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. 3-е изд., стереотип. М.: Р. Валент, 2007. 244 с.
9. Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.
10. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
11. Abrusán M. The spectrum of perspective shift: protagonist projection versus free indirect discourse // *Linguistics and Philosophy*. 2021. 44. P. 839–873.
12. Kaiser E. Perspective-shifting and free indirect discourse: Experimental investigations // *Proceedings of SALT 25*. 2015. P. 346–372.
13. Maier E. Quotation and Unquotation in Free Indirect Discourse // *Mind and language*. 2015. 30 (3). P. 345–373.
14. McHale B. Speech Representation [Electronic resource] // *The living handbook of narratology*. Hamburg University Press, 2011. URL: <http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/speech-representation>. 23.09.2021.

References

1. Alimova, A. D. Evoliutsiia struktur nesobstvenno-priamoi rechi v angliiskoi, amerikanskoi i russkoi literature [Evolution of free indirect speech structures in English, American, and Russian literature]. // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. 2021. Vol. 163, no. 1. P. 53–64. doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.53-64.
2. Zhilina, I. S. *Strukturno-semanticheskie osobennosti nesobstvenno-priamoi rechi i problemy ee perevoda: na materiale khudozhestvennykh tekstov XX veka angliiskogo, nemetskogo i russkogo iazykov* [Structural and Semantic Features of Free Indirect Speech and Problems of Its Translation: on the Material of the 20th Century English, German and Russian Fiction]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 / I. S. Zhilina. Moscow, 2015. 151 p.
3. Kovtunova, I. I. Nesobstvenno-priamaia rech' v sovremennom russkom literaturnom iazyke [Free Indirect Speech in Modern Russian Language] // *Russkii iazyk v shkole*. 1953. № 2. P. 18–27.
4. Litvinova, M. D. Metodika prepodavaniia khudozhestvennogo perevoda v filologicheskikh vuzakh. Kriterii otsenki perevodov [Methods of Teaching Literary Translation in Philological Universities. Criteria for Translation Quality Assessment] // *Mosty*. № 3(63). Moscow: R. Valent, 2019. P. 13–15.
5. Nagornyi, I. A. Presuppozitivnyi sloi smysla v vyskazyvaniyakh s modal'no-persuazivnymi chastitsami [Presuppositions Sense in Statements with Modal-Persuasiveness Particles] // *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Gumanitarnye nauki*. 2014. № 20 (191), issue 23. P. 20–27.
6. Psurtsev, D. V. Chastotno-tipologicheskaya model' perevoda [Frequency-and-Typological Model of Translation] // *Mosty*. №2 (62). Moscow: R. Valent, 2019. P. 46–60.
7. Reformatskii, A. A. *Vvedenie v iazykovedenie* [Introduction to Linguistics] / Edited by V. A. Vinogradov. Moscow: Aspekt Press, 1996. 536 p.
8. Retsker, Ia. I. *Teoriia perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda* [Theory of Translation and Translation Practice] / updated and commented by D. I. Ermolovich. 3rd edn., stereotyped. Moscow: R. Valent, 2007. 244 p.
9. Uspenskii, B. A. *Semiotika iskusstva* [Semiotics of Art]. Moscow: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury», 1995. 360 p.
10. Shmid, V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003. 312 p.
11. Abrusán, M. The spectrum of perspective shift: protagonist projection versus free indirect discourse // *Linguistics and Philosophy*. 2021. 44. P. 839–873.
12. Kaiser, E. Perspective-shifting and free indirect discourse: Experimental investigations // *Proceedings of SALT 25*. 2015. P. 346–372.
13. Maier, E. Quotation and Unquotation in Free Indirect Discourse // *Mind and language*. 2015. 30 (3). P. 345–373.
14. McHale, B. Speech Representation [Electronic resource] // *The living handbook of narratology*. Hamburg University Press, 2011, www.lhn.uni-hamburg.de/article/speech-representation. 23.09.2021.

Сведения об авторе:

Алимова Анастасия Дмитриевна – преподаватель кафедры переводоведения и практики перевода английского языка переводческого факультета, аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета. Сфера научных и профессиональных интересов: перевод, переводоведение, английский язык. E-mail: alimovaad@gmail.com

About the author:

Anastasia D. Alimova – Lecturer, Department of Translation Studies and English Translation, Faculty of Translation and Interpreting, Postgraduate student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University. Spheres of research and professional interest: translation, translation studies, the English language. E-mail: alimovaad@gmail.com

* * *